

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК **НОВАЯ ЭРА**

Цикл
Владислава Конюшевского
БОЕВОЙ 1918 ГОД

Боевой 1918 год
Боевой 1918 год. Длинные версты

ВЛАДИСЛАВ КОНЮШЕВСКИЙ

**БОЕВОЙ
1918 ГОД
ДЛИННЫЕ ВЕРСТЫ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К65

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»

Выпуск 8

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Конюшевский, Владислав Николаевич

К65 Боевой 1918 год. Длинные версты: роман / Владислав Конюшевский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 384 с. — (Фантастический боевик. Новая эра).

ISBN 978-5-17-145807-2

Попаданец в восемнадцатый год хоть и определился со стороной, но так и не смог заставить себя делить людей исключительно по классовому признаку. Он слишком прагматичен для подобной глупости. Да и знания будущего заставляют его искать свой путь. Поэтому Чур с одинаковой легкостью может закатать в морду как за призывы к мировой революции, так и за призывы к уничтожению Советов. Наверное, из-за этого и людей в батальон подбирает себе под стать, отталкиваясь лишь от личных качеств человека. И там уже плевать, кто это – бывший барон или вчерашний крестьянин. А кому не нравится такой подход, что же... Лучший красный командир он потому и лучший, что умеет убеждать несогласных как добрым словом, так и совсем недобрым pistolетом. Тем более что Брестский мир не был заключен, и Россия продолжает участие в Первой мировой войне. А значит, есть безусловный враг, единый для всех.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145807-2

© Владислав Конюшевский, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Я задумчиво смотрел на возвышающуюся передо мной громаду бронепоезда PZ12¹, а в голове почему-то навязчиво звучало: «Наш паровоз вперед летит...» При этом, зараза, крутилась всего одна строчка, что сильно раздражало. Тем более что вот этот данный, конкретный «паровоз» никуда не полетит. Вес у него не тот, чтобы летать. Сами посудите — два броневанагона с орудиями и пулеметами. Еще один, чисто с пулеметами. Присутствовала даже зенитная платформа с высокими металлическими бортами, в которой, на станках, солидно направив стволы в небо, было установлено два здоровенных изделия Хайрема Максима. С калибром аж тридцать семь миллиметров. Это уже, блин, не пулемет. Это пушка. В принципе, англичане ее так и называли — скорострельная автоматическая пушка. Или в просторечии «пом-пом». Как эту хрень называли немцы, я даже не знаю. Да и плевать, потому что до меня только сейчас стала доходить вся пикантность возникшей ситуации.

Нет, мы герои. Без вопросов! Молодецким наскоком захватили целенький вражеский БеПо!²

А вот дальше что с ним делать? Еще пару часов назад у меня подобных мыслей не возникало. Выпучив

¹ PZ — немецкое название бронепоезда.

² БП — бронепоезд.

глаза и капая слюной, думал, что вот завладеем этим трофеем, и я развернусь во всю ширь своей нескромной души. Угу... сейчас! Только теперь дошло, что эту штуку, помимо угля, надо еще и водой заправлять. Водой! Не знаю уж с какой периодичностью, но вот большущие гусаки для заправки торчали на каждой станции. И это не считая постоянного ТО. Я что-то сильно сомневаюсь, что нынешняя техника обладает большим запасом надежности. Недаром на всех остановках вдоль составов ходят мужички с молотками и постукивают в районе колес. Да и буксы смазывают периодически. Причем есть подозрения, что это только видимая часть обслуживания. А если учесть, что вес бронепоезда несравненно выше, чем у обычного состава, то и шаманить его надо вообще безостановочно.

Вот и получается — что мы имеем? Мощную и грозную боевую единицу, к которой есть экипаж (мои матросики точно разберутся со здешним вооружением). А если что — капитан Васильев им поможет. Но при этом мы оказываемся отрезанными от технических специалистов и необходимого обслуживания. А что нас ждет? О-о-о... Думаю, что ожидает нас просто море незабываемых впечатлений. Сейчас все тихо, потому что немцы не знают о захвате. А вот как до начальства сия весть дойдет, то полетят клочки по закоулочкам! Сдается мне, что германский генералитет предпочел бы, чтобы противники им десять PZ сожгли, чем подобный конфуз. У них ведь не мешок картошки свистнули, у них целый бронепоезд отжали. Над такими вояками даже турки ржать будут. И это залет столь грандиозного масштаба, что известие о случившемся эпичном фэйле обязательно в конечном итоге дойдет до самого кайзера. Тогда полетят головы всего здешнего начальства.

А значит, что местное командование, предчувствуя размеры возможной экзекуции, гонять нас начнет страстно и самозабвенно. Сразу, без раскачки. Задействовав в этом все что можно, включая артиллерию и авиацию. Я даже допускаю применение химии (тем более что сейчас она вовсе не под запретом). Нам же и уйти некуда. Ведь как пел один телевизионный повар: «поезд проедет лишь там, где проложен путь». Поэтому сейчас я чувствовал острый дискомфорт, осознавая себя мужиком, поймавшим медведя. Да и прорезавшаяся интуиция весьма тревожно попискивала, подавая панические сигналы в подкорку. Дескать, начнем просто так прорываться, устраивая стрельбу на станциях, — фиг у нас это получится.

Так... и что же мы можем сделать? Ухватив кончик мысли, я закурил и стал обдумывать постепенно складывающийся план. По мере обдумывания настроение повышалось, а задолбавшая вконец мелодия, про «паровоз до коммуны», неожиданно сменилась на «звенели колеса, летели вагоны». М-да... с железнодорожной тематики соскочить не получилось, хорошо эта хоть не раздражает. Я ее даже машинально насвистывать начал, но был отвлечен Трофимовым, ловко соскочившим с высокого порога броневагона. Заместитель, вытирая руки какой-то тряпкой, хлопнув по серому борту, удовлетворенно констатировал:

— Полна коробочка! И БК, и все остальное... Представляешь, у них даже огнетушители комплектные и полные! Эх, как же я по «железу»¹ соскучился! Вот теперь развернемся!

Покачав головой, я возразил:

— Не развернемся.

¹ *Железо* — жаргонное название корабля.

И выложил заму все свои опасения. Глядя на унылого командира, Гришка тоже растерялся:

— Так что, все зря? Теперь нам эту красоту подрывать и самим уходить?

Я вздохнул:

— Вообще, у нас есть два варианта. Первый — снять все что можно с этой бронедуры и валить из города. Разумеется, предварительно подорвав БП. И второй вариант — прорываться на нем к своим. Тут же сравнительно недалеко — меньше сотни километров. Но чтобы узнать, есть ли хоть какая-то возможность этого прорыва, мне нужны здешние железнодорожники. Вы же там кого-то из них прихватили? Вот и хорошо. Пойдем, пообщаемся. А потом уже будем решать, что делать.

По пути отдав кое-какие распоряжения, мы двинули в здание вокзала.

Задержанных оказалось четверо. Заместитель начальника станции (или как сейчас говорят — «товарищ начальника»), двое хмурых обходчиков и прилизанный, трясущийся словно осиновый лист билетер. Оставив для беседы начальство, остальных отпустили и приступили к предметному разговору. Зам, мужчина лет сорока в мундире, с рыжеватыми «английскими» усами, вид имел несколько испуганный, но на контакт шел охотно. Он же сразу и указал на главную проблему, которая оказалась даже не только в воде или обслуживании, а в стрелочных переводах. И если они будут переведены куда-то не туда, то нас могут или загнать в тупик, или направить на другие пути. Особенно это актуально для станции Обилово. А так — имея в наличии два немецких паровоза (один бронированный, а второй для тяги вне боя), нам должно хватить ресурсов, экономичным ходом и с опытными машинистами, добраться до своих.

Хотя лично он несколько беспокоится из-за воды. Топлива нам хватит с большим запасом. Но вот водой все-таки очень желательно заправиться где-то километров через пятьдесят. Вернее, окончательно переставший меня бояться Игорь Ильич категорически настаивал на этой заправке. А то выкипит паровоз, словно чайник, и встанем мы посередине перегона. Еще был поднят вопрос расписания движения составов на этой ветке. Но до утра, насколько он знает, плановых рейсов не ожидалось, а насчет внеплановых сказать невозможно, потому что нет связи.

Так, про воду понятно — будем решать на месте. Но вот стрелки, или как их назвал профессионал — стрелочные переводы, это геморрой... На мой резонный вопрос — кто может быть в курсе, что и куда переводить на всем протяжении пути, Ильич, пожав плечами, ответил, что обычно люди знают лишь свой участок работы.

Охреневая от возникающих одна за другой проблем, я уже было решил плюнуть на все и просто подорвать БП к чертовой матери, как железнодорожник, хлопнув ладонью по лбу, вспомнил про одного здешнего пенсионера — Василия Августовича Комаровского. Тот служил инспектором путей, и когда вышел в отставку, начальство локтем перекрестилось. Перекрестилось из-за того, что Августович, при активной рабочей жизни, был ярым трудоголиком и лез вообще во все дела, отличаясь при этом крайней скрупулезностью и вздорностью характера. Вот он, скорее всего, мог решить наш вопрос. Единственное препятствие, которое может перед нами возникнуть, это, как говорилось выше, возраст и характер пациента. Уточнив адрес, дал указание ребятам доставить сюда (особо уточнил, что со всем вежеством и любовью) заслу-

женного пенсионера. После чего перешел к решению следующей задачи.

Для моей задумки было необходимо, чтобы вместе с нами уходила половина взвода разведки. Но с имеющейся техникой такого не получится. Лошади тупо не влезут на БП. Поэтому нам были нужны два вагона (те, где сорок человек или восемь лошадей), цистерна и паровоз. Паровоз был необходим, чтобы не перегружать свои, так как чем больше нагрузка, тем больше расход. Ну а цистерна для воды потому, что на станциях нам заправляться будет вовсе не с руки. Для этого планировалось останавливаться на перегоне и использовать ручную помпу, которую думал экспроприировать у здешних пожарных. Когда казарму тушили, я у них три штуки видел. И наверняка в заглазнике что-то имеют. Так что огнеборцев совсем уж без инструментов не оставим...

Но дальше разговор прервался, так как через часовых (которые выполняли мое распоряжение пропускать работников железной дороги) прошел еще один носитель мундира. При его появлении зам тут же вскочил, а тот, царственно кивнув, брезгливо отряхнул платочком сиденье стула и, подпернув штанины форменных брюк, уселся. После чего, окинув нас непонятым взглядом, выдал:

— Здравствуйте, господа. Я начальник станции Дьяково — Геннадий Поликарпович Тучнов. Чем могу быть полезен?

Гриня не утерпел и поправил:

— Не господа, а товарищи. Господ еще в прошлом году отменили!

Тучнов фыркнул:

— Конечно, конечно. Так что же «товарищам» здесь понадобилось?

При слове «товарищи» он так кривил губы, что было понятно — красные ему где-то сильно занозили. Ну, или просто человек имеет с ними столь сильные разногласия, что прямо кушать не может.

Честно говоря, его сексуальные, в смысле политические предпочтения, мне были глубоко по барабану. Главное, чтобы подсобил. А там пусть хоть весь искривится. Тем более что сейчас мы действуем против немцев, и по логике, любой гражданин страны должен стремиться помочь в борьбе с оккупантами. Невзирая на собственные цветовые предпочтения. Но Геннадий Поликарпович, очевидно, считал по-другому, так как на мои запросы он категорично выдал, что ни вагонов, ни паровозов на станции нет. Вот нет и все тут. И угля нет. Может предложить лишь дрова. Правда, они несколько подгнившие, но уж чем богаты...

Его помощник при этом лишь вздыхал, глядя куда-то в сторону. Очевидно, что Тучнов здесь всех держит в ежовых рукавицах, поэтому при нем подчиненные предпочитают помалкивать. Я уже было собрался выставить начальника вон и плотно поговорить с его замом, как распахнулась дверь, а на пороге появился сияющий комиссар. Щурясь в свете керосинки (во дворе уже были густые сумерки), Лапин объявил:

— Нашел! В депо сейчас стоят два паровоза! У одного крышка котла снята, а второй на вид вполне целый! И теплушки за забором видел. Штук пять.

Я вопросительно посмотрел на Тучнова, но тот лишь бровью повел, лениво пояснив:

— Это подвижной состав, находящийся на плановом ремонте. И паровозы, и вагоны. Поэтому вам было сказано, что ничего нет. Просто не уточняя насчет того, что ремонтируется.

Нутром чувствуя, что этот хмырь в чем-то врет, вежливо поинтересовался:

— Возможно ли как-то ускорить ремонт? Понимаете, нам очень нужны эти вагоны и паровоз. В противном случае шансы перегнать трофейный бронепоезд в расположение наших войск будут исчезающе малы.

Начальник, чуть прищурившись, уточнил:

— Говоря — наших войск, вы имеете в виду красные отряды?

Не став уточнять различие между отрядами и той силой, что Советы собрали под Таганрогом, я кивнул. А Геннадий Поликарпович, вздохнув с фальшивым (это я точно ощутил) сожалением, развел руками:

— Поверьте, всем сердцем желаю вам помочь, но плановый ремонт обычно длится от десяти дней до двух недель. Даже прилагая все силы, быстрее чем за неделю нашим ремонтникам не справиться. Но, насколько я понял, столько времени вы ждать не сможете?

Во дает! Так рисковно и тонко троллить «лапотников» не каждый решится. Ишь ты — подождать. Понимает ведь, гад, что у нас задница горит и каждый час на счету. Но формально повода к придирам не дает. Ладно... значит, будем воздействовать по-другому. Уныло глядя на собеседника, я согласился:

— Не сможем... — и уже совсем другим тоном обратился к комиссару: — Угольные склады проверили?

Лапин кивнул:

— Да. Нашли один почти полный, так что насчет топлива можно не волноваться.

Все, попался козлина! В принципе, я и не сомневался в наличии нормального топлива на станции. Сюда целый немецкий PZ пригнали, и что, его дровами кормить станут? Ага — сейчас! Поэтому, когда важный начальник ляпнул, что у него нет угля, я вну-

тренне возрадовался, но виду не подал. Зато теперь он у меня на крючке и можно давить саботажника без оглядки.

В общем, когда я после слов комиссара глянул на Тучнова, тот откинулся на спинку стула так, что тот протестующе затрещал. Трофимов же взглядом себя не ограничил и, пойдя красными пятнами, зашипел:

— Только дрова, говоришь? И те гнилые? Да я тебя, сука...

Гришка уже потянулся к пистолету, поэтому пришлось вмешаться:

— Отставить! — И глядя в переносье побледневшему начальнику станции, размеренным тоном я продолжил: — Судя по всему, из опасения, что красные могут применить этот бронепоезд против белых, вы предпочли, чтобы он вообще остался у немцев. Если первое опасение я еще могу понять, то второе желание неприемлемо. Более того — преступно. В военное время это называется «саботаж» и карается без жалости. Поэтому сейчас мы возьмем пленных машинистов и пойдём в депо. Не желают русские своим помогать, значит, помогут немцы! Эти парни очень жить хотят, поэтому будут стараться изо всех сил. И если у них получится завести паровоз, то я лично присобачу тебя к передней тележке, и поедешь ты, как свадебный пупс, до самого Таганрога. По пути нам наверняка предстоят бои, так что не обессудь — что доедет, то доедет! Если паровозы действительно в хлам, займемся чисто вагонами. За каждый найденный целый вагон буду стрелять тебе в ногу. Патроны у меня девять миллиметров, с хорошим останавливающим действием. Поэтому ты вряд ли выдержишь больше двух-трех попаданий. Сдохнешь от болевого шока.

Помощник начальника после этих слов икнул, а я, глядя, как по щеке Тучнова, несмотря на прохладный

вечер, одна за другой побежали капли пота, продолжил:

— Есть альтернатива. Ты сейчас выворачиваешься наизнанку, и через три часа мы перед собой видим паровоз с двумя вагонами и цистерной. Тогда я тебя просто отпускаю домой. Твое решение?

Уже вовсе не блестящий, а какой-то внезапно помятый Геннадий Поликарпович молитвенно сложил руки:

— Позвольте, но у нас действительно нет цистерн! Совершенно!

Покладисто кивнув, я откорректировал:

— Тогда две платформы, на которые нагрузят бочки с водой. Платформы блиндировать шпалами, чтобы нам бочки пулями не пробиты. И еще — тот паровоз, что в депо, он на ходу? И теплушки нормальные?

Начальник потерянно кивнул, поясняя:

— Овечка¹ действительно была в ремонте. Только завтра должна выходить на ходовые испытания... Ну и в вагонах необходимо смазку поменять. — Тут он вскинул на меня начавшие косить глаза и практически завопил: — Но ведь для подготовки всего этого нужны люди! Специалисты! Да и бочки... У нас же не бондарная мастерская!

Я согласился:

— Конечно. Вот вы и соберете нужных людей и необходимые материалы. В помощь вам определяют конвой, а у вас будет целых три часа для сдачи работ. И мой вам совет — не теряйте времени!

Тучнов после моих слов подскочил и ломанулся было на выход, так что пришлось придержать внезапно восплававшего трудовым энтузиазмом начальника. Как и обещалось — к нему был приставлен конвой

¹ Овечка — паровоз серии Ов.

в составе половины отделения. И чтобы сам Геннадий внезапно не растворился в ночной тьме, и чтобы вопросы ему помогали решать, если кто-то где-то заартачится. Помощник, что характерно, не бросил шефа в беде, а удалился вместе с ним.

Трофимов же лишь сплюнул вслед поблекшему повелителю семафоров и, закуривая, с чувством сказал:

— Чур, но ведь это же враг! А ты его отпустить пообещал. Как же так? Такого же не переделать. Он до конца своих дней нам гадить будет. Шлепнуть гада, и вся недолга!

Я вздохнул:

— Согласен — враг. Но как сказал один умный человек: враг со временем может стать другом. Или враги будут мешать друг другу. А мертвец, он бесполезен...

Гриня от неожиданности закашлялся и, сморщив лицо, произнес:

— Вот ты иногда как скажешь... Но спорить готов — этот господинчик точно другом не станет... — После чего, задумчиво затягиваясь, продолжил: — Интересно, на что он вообще рассчитывал, когда нам про паровозы и уголь турусы на колесах разводил?

Вместо меня ответил комиссар:

— На нашу лень и некомпетентность. Тут ведь рядом два склада почти пустыми стояли. Так — только дров немного. А который с углем, он самый дальний отсюда. Мы пока до него через рельсы топали, чуть ноги в сумерках не переломали. Поленились — ничего бы и не нашли. Ну и еще начальник не учел, что немецких машинистов для проверки транспорта задействуем. Мы-то сами в паровозах ни бум-бум, поэтому он смело говорил, что они не в порядке. Как проверить? Только если искать местных рабочих-ремонт-